

СТРАННИК СБОРНИК РАССКАЗОВ

Юрий Бобылев

16+

Юрий Бобылев
Странник. Сборник рассказов

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Бобылев Ю.

Странник. Сборник рассказов / Ю. Бобылев — «ЛитРес: Самиздат», 2020

В этом сборнике собраны рассказы, навеянные личными воспоминаниями автора о людях и событиях, с которыми ему посчастливилось встретиться на протяжении своей жизни.

Содержание

Гранада, Гранада, Гранада моя	5
На рыбалке	7
Две старушки	10
Любовь и чувства	12
Малые радости	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Юрий Бобылев

Странник. Сборник рассказов

Гранада, Гранада, Гранада моя

Она была очень красивой молодой женщиной. 24 года и студентка медицинского института. Четвертый курс. А на дворе весна, первые майские дни 1941 года. Чудесное время года. Она жила в коммунальной квартире вместе со своей теткой. Очень романтическое для Москвы место – Чистые пруды. А рядом, в соседней комнате, жил очень красивый и очень таинственный молодой мужчина. Испанец. Ну, трудно представить себе такое сочетание. Весна, молодость и ожидание счастья, вот же оно совсем рядом. И они полюбили друг друга. Он мало что рассказывал о себе. Да, участвовал в гражданской войне в Испании. Работал то ли в Коминтерне, то ли еще в какой-то другой очень секретной организации. Иногда исчезал по несколько дней и всегда возвращался с необыкновенными подарками – флакон французских духов, шелковые чулки или даже необыкновенное нижнее белье. Можете себе представить все это в Москве 1941 года? А потом наступило 22 июня. Он приехал поздно ночью, разбудил ее и сказал, что приехал попрощаться и у него всего 1 час. Этот час показался и вечностью и скоротечной минутой. За ним пришла машина, и он уехал... И, как оказалось, навсегда. Через какое-то время в квартиру приехали два военных и забрали все его личные вещи. На ее вопрос, где он и когда вернется, ей ответили, что его не будет очень долго и что он не сможет ей писать. И все... Больше никогда в своей жизни она ничего о нем не узнала. А через несколько дней она поняла, что ждет ребенка, его ребенка.

А на соседнем курсе института на военфаке учился Саша. Он уже много времени как был в нее влюблен. Но любовь, которую он ничуть не скрывал, казалась абсолютно безответной. Наступил октябрь, страшное для Москвы время. Паника, неразбериха, эвакуация. Военфак мединститута решили эвакуировать в Омск, чтобы дать возможность курсантам окончить институт перед отправкой на фронт. И она пришла на вокзал, чтобы проводить Сашу. Они стояли на перроне перед открытыми дверями теплушки, и он накрыл ее своей шинелью. И вдруг, за пять минут до отхода состава, он схватил ее в охапку и забросил в вагон. И поезд тронулся. Как оказалось, она была не единственной. Несколько курсантов протащили тайком своих жен и подруг. Всего шесть молодых женщин, которых прятали на верхних полках. Так ехали несколько суток. А потом все же нашелся кто-то, кто донес коменданту поезда об этом «преступлении». И их всех шестерых, включая двух беременных женщин, высадили на первой же станции. По всему вагону для них собирали консервы, сахар и хлеб, и кое-какую одежду. Приближались к Сибири, и это уже была глубокая осень. Ребятам удалось договориться с начальником станции, чтобы он смог бы посадить молодых женщин на какой-либо поезд, чтобы доехать до Омска. Помогла бутылка спирта, все же это был состав с будущими врачами. И через день их посадили в поезд, который вез, в частности, эвакуированных из Донбасса стахановцев, включая самого Стаханова с семьей. Женщин не пустили в вагон, но разрешили остаться в тамбуре. Так они и ехали, доедая консервы и хлеб и глотая слюны от доносящихся из вагона запахов мяса и сала. Но с ними никто не делился. Через несколько дней они все же добрались до Омска.

А в феврале родился я. Курсантам военфака все же не дали доучиться и всех отправили на фронт. Уехал и Саша. Как оказалось, на очень долго. Нет, он не исчез. Просто после окончания войны на западе их полк был переброшен вначале на Дальний Восток для борьбы с японцами, а затем оказался расквартированным в одном из дальневосточных городов. Саша познакомился там с молодой учительницей и женился на ней. И она даже успела родить ему

двоих детей. Мальчика и девочку. А мы уже вернулись в Москву на Чистые пруды. Но в 1948 году он бросил свою семью, приехал к нам в Москву и сказал, что хочет нас забрать и ехать на новое место назначения на Урал. В их жизни, а они прожили вместе около 30 лет, такие разрывы происходили несколько раз, и мама почему-то его каждый раз прощала. Почему, да я думаю, прежде всего, из-за меня. Ведь еще в Омске, после моего рождения, Саша дал мне свое имя, и я всю свою жизнь считал, да и продолжаю считать его своим отцом. Не могу ему простить все то горе, что он доставил маме, но все же он был моим отцом.

Мама никогда мне не рассказывала о своей испанской любви. Прошло много лет, мне уже почти 45 лет. Уже ушли из жизни и мама, и ее, в общем-то, непутевый Саша. И вдруг мне позвонила старая, еще со школы, мамина подруга, с которой мы иногда перезванивались. И она сказала, что не может уйти из жизни, не открыв мне мамину тайну. Что там было правдой, что было немного больше придуманного, я уже никогда не узнаю. Да это уже и не могло иметь никакого значения. Никаких конкретных данных, ни имен, ни фамилий мамина подруга, конечно, не помнила, а скорее всего и не знала. И я тоже ничего не смог бы узнать. Было это правдой или красивой сказкой, не знаю.

Но я точно знаю, что всю мою сознательную жизнь меня тянуло ко всему, что было связано с Испанией. Так получилось, что по своей работе я очень часто там бывал. Я объездил практически всю страну, полюбил этот народ, его музыку, его природу. Его необыкновенно разнообразную и очень вкусную кухню. Я отлично говорю на испанском языке и даже позволяю себе писать на нем стихи. Откуда все это? Не знаю.

На рыбалке

Мне 6 лет и сегодня очень счастливый для меня день. Отец сказал, что возьмет меня на настоящую рыбалку.

Мы живем на Крайнем Севере, небольшой поселок, почти 400 км до ближайшего города. Небольшая долина, а вокруг сопки, сопки. Зимой температура доходит до минус 40 градусов. Холодно. Но сейчас уже весна в самом разгаре. Лед на большой реке уже почти сошел. На сопках уже много прогалин, и ребяшня с удовольствием мы шастаем по окраинам поселка. Свобода. Конечно, это не средняя полоса России, и еще нет цветов. Но зато есть своя прелесть. На полянах полно прошлогодней брусники. Кто не ел прошлогоднюю бруснику, жухлую, но какую же сладкую, тот не испытал настоящего счастья. А уже прогреваемые солнцем камни, на которые можно лечь и немного прогреть свое пузо. Как же это здорово.

В нашем поселке стоит военный гарнизон. Этот полк после войны был выведен из Германии и передислоцирован на Крайний Север. Командир полка, старик около 45 лет, страшный книголюб. И он вывез из Германии сравнительно большую библиотеку, причем там было очень много книг на разных языках, в том числе и на русском. И эта библиотека превратилась в основной центр культуры нашего поселка. Полковник разрешил ею пользоваться всем жителям поселка, и благодаря ему очень многие жители, а это были далеко не самые образованные люди, пристрастились к чтению, в том числе и дети. Это было здорово. К несчастью для всех нас в 1951 году полк был расформирован, и согласно существующим в то время приказам все имущество полка, военная техника и прочее было вывезено. А вот все, что не подлежало передаче, должно было быть уничтожено. И под это «все» попала библиотека. Наши учителя на коленях умоляли командира полка не уничтожать книги, но этот суровый человек, военный до мозга костей, со слезами на глазах был вынужден им отказать. Этот день, когда на наших глазах, на огромных кострах уничтожались книги, на всю жизнь остался в моей памяти. Это было страшно, и мы все это осознавали, но ничего не могли сделать. И он тоже. Он же не мог нарушить приказ и идти под трибунал. А библиотека исчезла.

Вообще жизнь в поселке была своеобразной. Особых развлечений очень мало. Раз в неделю в одной из казарм показывали кино. Один аппарат, большая простынь на стене, смена пленки каждый раз как заканчивалась очередная часть фильма, и необыкновенный, совершенно незнакомый мир, который открывался перед нами. Да, нас мальчишек всегда пускали на эти сеансы, главное условие было – сидеть тихо. Я помню, как однажды мы увидели, не помню, конечно, в каком фильме, что люди ели мороженное. Что же это такое? И мы пристали к старшине, который в наших глазах был самым уважаемым и все знающим человеком. «Дядя Женя, что такое мороженное?» Старшина не может ронять свой авторитет и объяснил нам это очень просто. Это очень холодное и сладкое, ну и очень вкусное, конечно. Нам такого объяснения было более чем достаточно. В тот же день мы выклянчили у старшины несколько банок сгущенного молока, ведро и замесили все это с чистейшим снегом, которого вокруг было более чем достаточно. Я, конечно, когда вырос, где только и в каких только странах не ел самые изысканные сорта мороженого, но уверяю вас, что ничего более вкусного, чем мы, пацаны, ели в тот день, я больше не узнал.

Моя мама была врачом, по образованию педиатр, но в этом поселке она была единственным врачом, и что только ей не приходилось делать. И акушер, и хирург, и терапевт, и даже зубной врач. И все в одном лице. Иногда где-то в 2–3 часа ночи раздавался стук в дверь нашего дома, «доктор помогите», и мама уходила одна, в ночь, в стужу с совершенно незнакомым человеком, но никогда, никто, а в поселке жили, в том числе и далеко не самые «вежливые» люди, никто ее никогда не посмел обидеть. Она была Доктор.

А как же весело мы жили. Раз в две недели были обязательно посиделки. То какие-то праздники, то дни рождения у кого-нибудь. А уж зимние пельменные сходки. Предварительно офицерские жены собирались лепить пельмени. Это уже было событие. Начинка была разная. Свинина, все держали при домах поросят и на зиму в снях, а мороз был дай Боже, без всякого холодильника великолепно сохранялось мясо и мороженная рыба. Еще была оленина, тоже очень вкусно. А еще были бочки с мороженной брусникой. И конечно грибы. Природа на Крайнем Севере, если не лениться, всех обеспечит. Так что с начинкой для пельменей и даже вареников проблем не было. Лепили обычно очень много, по две-три тысячи. В складчину. Все это замораживалось в снях, а потом хранилось в больших сундуках. Кстати, в то время молоко у нас тоже хранилось в снях, в мешках. Его привозили из подсобного хозяйства, где замораживали в больших мисках, а потом уже в мешках развозили по домам. Вот такой способ хранения. Лепили только женщины, мужики не допускались. И это все сопровождалось и песнями, и стопочками, и «перемыванием косточек», как же без этого. Поселок небольшой, и все про всех все знают. Всякое бывало, и все надо было обсудить.

А потом уже собирались с мужьями. Ну, там все, как положено. Столы заставлены, как только ухитрялись придумывать самые разные закуски, водки не было, спирт, ну и разные самодельные наливки. Но все настоящее, сто раз опробованное. Никакой санконтроль был не нужен. Потом песни, танцы, разговоры, иногда доходило и до ссор. Обычное российское застолье. Но хорошо!!!

И вот наступил долгожданный день. Мы едем на рыбалку. Встали очень рано, затемно. Хоть и весна, но очень холодно. Одевались почти как зимой. Нас 6 человек, не считая меня, все сослуживцы отца. Едем на небольшом грузовике. Меня засунули в кабину. Малолетка. Мужики в кузове, хорошо, что еще кузов закрыт брезентом. Согреваются спиртом, отец же военврач, так что запасы не иссякают. Ехать до большой реки около 100 км по не самой хорошей дороге между сопками и перелеском. Основная растительность – карликовые северные березки. Большую часть времени сплю в теплой кабине. Мне не мешают, но ничего и не дают. И вот приехали. Огромная река, я такой еще и не видел. Лед еще полностью не сошел, так что плавают много льдин и довольно больших. Хотел на одной покататься и получил подзатыльник, не для этого приехали. Часа два оборудовали становище. Срубили стол, лавки. Оборудовали костровище, заготовили дрова. Все очень основательно. Потом стали готовить сети. Здесь уж не до баловства, на всякие удочки нет просто времени. Правда, отец для меня подготовил две самодельные удочки. Надули две лодки. Ну и ближе к вечеру уже поставили сети. Я до этого пристроился в удобном месте на берегу, где была небольшая заводь с моими удочками. Правда, отец привязал меня длинной веревкой к стоящему на берегу дереву. Так, на всякий случай. И что же вы думаете, к всеобщему удивлению и к моей огромной радости где-то за два часа наловил почти небольшое ведро всякой, конечно, не крупной, но все же съедобной рыбы. Так что хватило даже на уху, честно говоря, конечно, не на очень наваристую, но мужики хвалили. Еще до ухи поставили сети. Рыбнадзора там не было на ближайшие 2–3 тысячи километров, да и это была нормальная для тех мест и для того времени рыбалка. После того как поставили сети, сели обедать-ужинать. Тут уж не до разносолов. Правда, уха пригодилась и разбавила разное количество консервов. Так что я себя чувствовал вполне равноправным членом артели. Чай, приготовленный на костре, был очень вкусный. Спать легли рано, я в кабине, мужики в кузове. Сети снимали рано, часов в 6 утра. Очень холодно. Рыбы было много. Ее тут же потрошили и складывали, засыпая солью, в привезенные бочки. И так три дня. Уже к концу второго дня для меня все это утратило новизну и перестало доставлять особое удовольствие. Даже моя собственная рыбалка уже превратилась в рутину. Все же мне было всего 6 лет. Но я не ныл, еще чего не хватало. Я же был почти членом рыбацкой артели. А потом все время думал, каким героем я буду в глазах моих дружков, когда буду рассказывать обо всех этих приключениях. Наступил последний день промысла. Бочки были практически заполнены и еще

пара мешков со свежей рыбой. Наше становище мы все почистили. Все отходы закопали. Все было готово, чтобы принять следующих гостей. И пустились в обратный путь. Домой добрались очень поздно. Я заснул, конечно. Отец вытащил меня из кабины и на руках отнес в дом. Даже не знаю, как меня раздели и засунули в кровать. Я проспал, не просыпаясь, 24 часа, и меня с трудом все же разбудили. Классная была рыбалка.

Две старушки

Две подруги, почти ровесницы, обе родились в конце XIX века. Еврейки. Одна американка, жена известного в Штатах коммуниста. В 1934 году вместе с мужем они приехали в СССР строить вместе с советским народом светлое коммунистическое будущее. Он работал в издательстве Коминтерна, она преподавала английский язык. В 1937 они были оба арестованы. Его очень быстро расстреляли. В нашей стране начали расстреливать большевиков и комиссаров намного раньше, чем к этому приступили эсэсовцы. А ее отправили в один из лагерей. Не помню уже куда, но где-то в Казахстане. И освободили только в 1954 году. Тогда уже многих стали освобождать. Из тех, конечно, кто остался в живых.

А вторая подруга – коренная русская еврейка. Из относительно обеспеченной семьи. Получила прекрасное образование, в том числе и в Швейцарии. Стала зубным врачом. Достаточно спокойно пережила турбулентные годы гражданской войны, Нэпа и все прочие этапы строительства социализма в нашей стране. Все же она была великолепным профессионалом, одним из самых известных в Москве стоматологов, и, работая в одной из городских поликлиник, имела и свою собственную практику. Хорошим врачам это позволялось, и до поры, до времени компетентные органы на это закрывали глаза, но это не значит, что об этом забывали. Всему свое время. Она даже не была в эвакуации, то ли безотчетно верила, в отличие от многих, бежавших из Москвы в октябре 1941 года, что наши никогда Москву не сдадут. То ли потому что у нее не было возможности никуда уехать. И она продолжала жить в Москве и лечить по 18 часов в сутки раненых в госпиталях, поскольку освоила и основы челюстно-лицевой хирургии.

Закончилась война. Наступили мирные времена, годы были очень трудные, но профессия спасала. Надо сказать, что она была абсолютно аполитичным человеком, никогда не вступала в какие-либо политические дискуссии, никогда никого не критиковала и, как рассказывал мне ее внучатый племянникот которого я и узнал эту историю, она, скорее всего, и не разбиралась в перипетиях общественно-политической жизни. Но зато она была необыкновенной кулинаркой, готовила так хорошо, что слава об ее искусстве была не менее распространенной, чем слава стоматолога. У нее не было своей семьи, судьба не сложилась, жених ее был белым офицером и погиб во время гражданской войны еще до того, как они могли вступить в брак. Так она и осталась одинокой. Но было очень много друзей, и к тому же она была очень гостеприимной, а поскольку еще и хорошо готовила, то в доме у нее очень часто собирались и друзья, и друзья друзей. Она всех принимала. И вот это ее гостеприимство и сыграло с ней злую шутку. В 1949 или 1950 году ее арестовали по обвинению в организации антисоветского подполья. Как известно, в те годы из пяти собравшихся вместе людей, по крайней мере, четверо были агентами НКВД, и вопрос был только в том, кто первый добежит с очередным доносом. И вот кто-то из ее гостей донес, что на ужинах в ее доме ведутся различные беседы, в которых критикуется руководство страны и т. п. Естественно этого было достаточно. Однако следователи, а среди них были и умные люди, очень быстро поняли, что роль этой женщины сводилась просто к неосторожности приглашать в дом людей, которым просто нельзя было доверять. Вполне возможно, что во время этих посиделок были и анекдоты, и какие-то разговоры и на политические темы, и на темы растущего в стране антисемитизма. Где на наших кухнях во все времена все мы что-то не обсуждаем. Но пришить ей дело в создании антисоветской организации было бы уже чересчур. Но и выпускать, естественно, тоже было нельзя. И ее отправили на энное количество лет в карагандинские лагеря.

Но врач, он везде врач, и он везде нужен. А тем более стоматолог высокой квалификации. И она продолжала лечить людей и эков, и тех, кто их охранял. И это спасло ей жизнь. Весной 1954 года в одном из карагандинских лагерей вспыхнуло восстание заключенных. Восстание оказалось очень кровавым, и когда власть в некоторых лагерных отделениях на первых порах

захватили уголовники (через несколько дней контроль во всех отделениях перешел к политическим заключенным), и когда это восстание уже подавлялось подоспевшими войсками МВД. Уголовники жестоко расправлялись и с захваченными охранниками, и с политическими заключенными. Погибли некоторые из тех, у кого была знаменитая статья 58, независимо каким пунктом а, б, в и т. д. она сопровождалась. И наша героиня тоже попала под раздачу. Но когда ее привели на «суд» к главарю уголовников, она обратила внимание на повязку на его щеке и спросила: «У тебя, что, зубы болят? Давай вылечу». И осталась в живых. А затем через какое-то время пришла амнистия. И она вернулась в Москву. Получила комнату в коммунальной квартире на юго-востоке города и там и подружилась с тоже вернувшейся из лагерей американкой. Нельзя было придумать более несовместимых по характеру и темпераменту людей. Американка до конца своих дней оставалась и считала себя борцом за правое дело, за дело коммунизма и постоянно читала своей подруге лекции о политической ситуации в стране и мире. Конечно, она постоянно всех критиковала, со всеми была не согласна, но ее единственными слушателями были всего лишь ничего не понимавшая подруга и иногда навещавший их молодой человек, внучатый племянник, последний, о котором я уже упоминал. А вот как раз ему, как он мне рассказывал, было очень интересно, с одной стороны, слушать и спорить с американкой, а с другой – уплетать необыкновенно вкусные форшмак и фаршированную рыбу своей двоюродной бабушки. А спорить было о чем. Сталинский террор, трагедия Великой Отечественной войны, Насер, замучивший многих арабских коммунистов в пустыне и одновременно получивший звание Героя Советского Союза, Израиль и непрерывные войны с окружающими его арабскими государствами, а потом венгерское восстание, события в Чехословакии и т. д. и т. п. До чего же богата событиями наша непростая история. Сколько было сделано того, что причиняло боль миллионам и миллионам людей. И большинство из нас, за очень малым исключением, все это поддерживали и даже этому аплодировали.

А потом вдруг пришло сообщение, что нашлась родная сестра американки. Оказалось, что она была замужем за сенатором, очень влиятельным политиком, близким к президенту Кеннеди. И они стали добиваться получения разрешения на возвращение сестры в США. И все шло к тому, что такое разрешение должно было быть вот-вот получено. Это было уже после Карибского кризиса, и отношения между США и СССР были не столь плохие. И что вы думаете, американка вдруг категорически решила не возвращаться к себе на родину, к вполне благополучной и обеспеченной жизни, и только потому, что не могла оставить свою, как она считала, неприспособленную к жизни подругу. Хотя кто из них был менее приспособленный к жизни, практически не имело никакого значения.

Так они прожили вместе до конца своих дней, и ушли из жизни с перерывом всего лишь в пару месяцев. Две женщины с разной и одновременно очень схожей судьбой, по которым безжалостно, как и по миллионам других, прокатился каток истории. Две старушки.

Любовь и чувства

Прекрасный теплый и солнечный день. Идет 16-й день абсолютного карантина, связанного с коронавирусом. Здесь в Испании его все очень строго соблюдают. Причем сознательно, ну, скажем, почти сознательно, полицейские и военные патрули на улице способствуют, безусловно, повышению уровня сознательности. У меня квартира на втором этаже, и окна выходят на небольшой садик. Часть здания на противоположной стороне улицы и садик – это часть квартиры, расположенной, естественно, на первом этаже. В этой квартире живет одна молодая пара. Очень симпатичные молодые люди, на взгляд им не более 20 лет. Как же интересно за ними иногда наблюдать. Нет, я, конечно, не подсматриваю, просто, когда сижу и работаю в кабинете, непроизвольно иногда смотрю в окно и, честно говоря, люблюсь ими. Сколько настоящей, не показной взаимной любви. Они прыгают, танцуют, он подсаживает ее на дерево, а потом ее ловит внизу, и они обнимаются и целуются. И это для себя, искренне, не для похвалы. Никаких селфи и прочей гадости. Это у них внутренне необходимое чувство. Господи, как хочется, чтобы эти чувства они сумели бы сохранить на всю свою долгую жизнь. Очень хочется... Получится или нет, не знаю, скорее всего и не узнаю. Это же жизнь, их жизнь.

Другой город, другие люди. Он и она. Они уже женаты достаточно много лет. И у них все хорошо. Они живут в южном, очень южном городе, далеко на другом континенте. Чудесная природа, южноамериканский темперамент, музыка, которая так и заставляет тебя произносить красивые слова и стремиться прикоснуться к своей любимой женщине. Чувство любви, женской привлекательности так и витает в воздухе. Если женщина идет по улице и не слышит комплименты от совершенно незнакомых мужчин, будь то продавцы мороженого, чистильщики обуви, солидные мужчины в дорогих костюмах и даже полицейские, она просто приходит в недоумение. Что случилось, неужели я сегодня так плохо выгляжу? И эти комплименты никого не оскорбляют, это часть национального достояния. А слова песен? Иногда их просто невозможно даже перевести на другие языки, столько в них сексуальности, ласки, и это не звучит грубо и грязно. Ну, хотя бы одно, очень приблизительно, конечно: «Я покрою все твоё тело своими поцелуями», ну и т. д.

Ранний, но очень темный вечер. В этот период в столице страны, где они жили и работали, очень часто отключали свет и на довольно длительный период. Время было сложное, и правительство пыталось экономить на всем. Так что люди коротали эти вечера, как могли, и не зря статистика уверяла, что такие «апагоны», как называли эти отключения местные жители, весьма способствовали росту рождаемости. Они были еще достаточно молоды, очень любили друг друга, и поэтому такие долгие темные ночи тоже не проходили для них бесследно. И вот однажды, в пылу страсти их вдруг «повело» на откровенность. Трудно сказать, что это было. Внезапный порыв откровенности или это просто был предлог для дополнительного возбуждения, и реальности в этих рассказах было гораздо меньше, чем правды... Скорее это были фантазии, способные обострить их чувства.

Это была одна из незабываемых ночей в их жизни... Счастье длилось бесконечно. А наутро они встали полностью опустошенные и с трудом смотрели друг на друга. Он умчался на работу, даже не притронувшись к завтраку. Она не вышла, чтобы поцеловать его перед уходом. Он отменил все встречи, он даже не мог думать о работе, весь день он мучился, а перед глазами была она в объятиях другого. Как она могла? Ну ладно, он фантазировал, ну, вернее, почти фантазировал, но она-то, неужели все это правда? Когда он вернулся домой поздно вечером, в квартире никого не было. Часть ее вещей исчезла с вешалок в шкафу. На столе лежала записка: «Не хочу тебя больше видеть, не ищи меня». В какой-то момент он даже почувствовал облегчение. Он даже представить себе не мог, о чем бы они могли говорить, и вообще, как можно было бы находиться вместе в одной комнате.

Наступило утро, и вдруг он понял, что он больше не мог быть один. Ему не хватало ее дыхания, ее тела, ее ласки. Совсем не трудно было догадаться, где она находилась. Когда он дозвонился в дом их близких друзей, к телефону подошел его друг. «Да, она здесь, но сказала, что не хочет и не будет с тобой разговаривать. Что у вас случилось? Она молчит и ничего не рассказывает».

Целую неделю он ходил вокруг их дома. Он каждый день посылал туда охапки цветов, а в субботу привел туда почти ночью группу «марьячос», и они целый час, к удовольствию всех соседей, пели, пели и пели. А на следующий день она позвонила: «Приезжай за мной, я хочу домой».

С древних времен известно, что ревность – это одно из наиболее действующих возбуждающих средств. Однако пользоваться этим чувством в качестве афродизиака надо очень осторожно.....

Малые радости

Что такое жизнь вместе? Это, прежде всего чувство необходимости поиска компромисса. Ты уступаешь, и тебе уступают. Без этого нельзя. Два разных человека, два разных характера, абсолютно разные семьи, в которых выросли оба. Это же страшно даже подумать, как можно совместить все это в отношении хотя бы и любящих друг друга молодых, а тем более и не очень людей. Когда-то я услышал на одной свадьбе несколько необычный тост молодоженам. Очередной гость, человек значительно более старший, чем жених с невестой, сказал: «Желаю вам научиться ссориться. Без этого в жизни нельзя. Ссоры неизбежны. Но надо уметь из них выходить так, чтобы какая-то нелепая ссора не привела бы к разрыву». Конечно, несколько необычный тост для свадьбы, но, на мой взгляд, имеющий очень большой жизненный смысл.

Однако постоянно находить компромисс или стремиться к тому, чтобы его находить, что, согласитесь, далеко не одно и то же, означает в какой-то степени пребывать непрерывно в состоянии определенного стресса. «А то, что я сделаю, понравится ей или ему? А если она или он примут это как что-то недопустимое» и т. д. Это в том случае, если оба ищут определенный компромисс в развитии их отношений. Другой вариант, который чаще всего приводит к разрыву, это когда присутствует определенный пофигизм: «Подумаешь, стерпит, привыкнет, я так хочу, я так привык, и точка». И самое поразительное это то, что речь в таких случаях идет, как правило, об обычных мелочах быта, а не о чем-то действительно принципиальном. Как раз тогда, когда возникают какие-нибудь расхождения принципиального характера, их легче обсудить, проанализировать и найти общую точку соприкосновения. А вот там, где касается зубных щеток, вынести мусор, оставить в покое телефон во время завтрака, забыть позвонить или не звонить принципиально, ожидая, что другой должен сделать это первым, и т. д. и т. п., ой, как это сложно.....

Поцапались, наорали друг на друга, разбежались по разным углам. Все, дальше так не возможно, это конец. Да нет, ерунда все это, самое главное – уметь сделать первый шаг. И не важно, кто его сделает, главное, чтобы он наступил. Погладить или просто дотронуться, как бы случайно, проходя мимо. Возвращаясь домой, принести хотя бы один цветок, а можно и просто любимое мороженое. Обнять или включить любимую музыку и пригласить на танец, просто так, вокруг стола. Нужно просто научиться доставлять друг другу маленькие радости.

Он и она часто ездили в командировки, в том числе и за рубеж. В принципе, они работали вместе, но командировки не всегда совпадали. И вот однажды он был в относительно длительной командировке в одной из стран Латинской Америки. А она в это же время была в Германии, точнее в Мюнхене. Он уже возвращался домой в Москву, и вдруг его охватило непреодолимое желание ее увидеть. И он меняет свой маршрут и даже нарушает служебные инструкции и прилетает в Мюнхен. Он хорошо знал, в какой гостинице она остановилась, они не раз там останавливались вместе, и администратор, естественно, его хорошо знал. Когда он приехал в гостиницу, ее не было. Он заказал номер-люкс и попросил перенести ее вещи в этот номер. Администратор любезно согласился ему подыграть. Когда она вернулась в гостиницу, ей сказали, что была небольшая авария, и было необходимо перенести ее вещи в другой номер. Она получила ключи, зашла в номер, а там были цветы, шампанское и он. Это был тот вечер и та ночь, которые принадлежали только им двоим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.